

*Марина Николаевна ЕРЕСЬКО —
доцент кафедры социологии и социального
управления, кандидат философских наук*

УДК 130.3

СПЕЦИФИКА РЕЛИГИОЗНОГО СМЫСЛА: ОНТОСЕМАНТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС*

АННОТАЦИЯ. В статье исследуются актуальные проблемы концептуализации религии в когнитивном дискурсе как необходимой предпосылки определения её природы и языка. Автор предлагает способы онтосемантической методологии исследования специфики религиозного смыслообразования и символизирующего (символизационного) процесса.

The article is devoted to the actual problems of conceptualization of religion in a cognitive discourse as a useful presupposition of its nature and language definition. The author suggests the own onto semantic methodology of research of specificity religious sense creation and symbolizing (symbolizational) process.

Смысл — это бытие, перенесенное человеком в недра своего духа.

В. А. Кувакин

Может быть, именно религиозно-символические системы обусловили постановку проблем смысла, которые никогда не встали бы сами по себе.

Р. Белла

А. Ф. Лосев в свое время заметил, что смысл относится к числу вещей абсолютно понятных и не требующих никакого доказательства своего существования. Но известно, что труднее всего говорить о самом простом и самом понятном [1; 583-585].

Религиозный смысл как предмет исследования религиоведческой когнитологии — проблема достаточно новая и актуальная. Когнитологию, которая сформировалась в середине прошлого века, можно определить как проект единой когнитивной науки, междисциплинарной по своей сути. Ее задача — исследовать, каким образом человеческий разум представляет мир и обрабатывает информацию. Концептуализация религии в когнитивном дискурсе выступает как необходимая предпосылка определения ее онтологической и гносеологической природы, поскольку религиоведческая когнитология предполагает исследование религиозного способа познания, организации и ментального структурирования мира.

1. Религиозный смысл и способ его бытия. Зададим себе простой вопрос: на каком языке говорит религия? Ответ очевиден — на своем, т.е. религиозном. Однако каким образом мы определяем, что это говорит именно религия? По форме или по содержанию языка? Здесь встречаются сразу две фундаментальные проблемы: семиотическая и онтологическая. Обычно их разделяют и даже противопоставляют. Скажем, когда в далеком уже 1976 г. вышла в свет известная книга Ж. Бодрийара «Символический обмен и смерть», многие усмотрели в ней поворот автора от семиотики к философской онтологии.

Семиотику сегодня критикуют и справа и слева: и «революционные» когнитологи (например, Дан Спербер), и многие «консервативные» философы [2].

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 05-06-06227а

Мы же попытаемся объединить ее оппонентов для обоснования собственной точки зрения, не исключая семантический подход, но выходящей за его пределы. Исследование языка религии обнаруживает целый ряд проблем, весьма актуальных и значимых для философии религии. Мы сосредоточим внимание на двух важнейших — когнитивной и онтологической. Другими словами, нас интересует два вопроса: определимость и определенность религиозного смысла и способы его формирования и бытия.

В нашем дискурсе эти проблемы чудесным образом переплетаются, а «виновником» и действующим лицом контаминации выступает символ, точнее — символизирующий процесс. Причина в том, что изучение языка религии — это изучение способов бытия религиозного смысла, а символизирующий процесс и символ как его продукт и действующее лицо как раз и являются способом онтологизации (объективации), сохранения и передачи религиозных смыслов, значений, ценностей. Что может быть важнее для философии религии?

2. Основные понятия онтосемантического дискурса. По словам известного российского философа В.А. Кувакина, смысл есть бытие, духовно воспринятое человеком, идеально объятые им [3; 90]. Смысл, бытие, бытие смысла, смысл бытия — понятия неразделимые. Вот почему мы называем наш дискурс онтосемантическим.

Термином «онтосемантика» мы обозначаем когнитивный метод в символогии. Семантикой принято называть науку о значениях, передаваемых языком или другой знаковой системой (междисциплинарная лингво-семантическая и логико-психологическая область исследования). Семантика сосредоточена на экспликации значений — того, что запечатлено мыслью и в мысли [4; 28]. Если психосемантика исследует семантическое поле личности, то онтосемантика (онтологическая семантика) исследует не только бытие смысла (способы и механизмы онтологизации смысла и его бытия), но и смысл бытия (закономерности осмысления бытия), выявляя смыслобытийные закономерности и «онтологические основания семантического и рефлексивного анализа» [5; 30].

В своих широко известных трудах Г. Фреге разводит понятия «значение» и «смысл»: «Значением собственного имени является сам предмет, который мы обозначаем этим именем; представление, которое мы при этом имеем, полностью субъективно; между ними лежит смысл, который хоть и не столь субъективен, как представление, но все-таки не является и самим предметом» [6; 29]. Следовательно, у символа, по-видимому, нет значения в строгом смысле этого слова, он попросту обладает свойствами знаковости. Значение несет знак, а смысл является содержанием символа, его функциональным бытием. Поэтому в фокус онтосемантики неизбежно попадает символ, точнее, символизирующий (символизационный) процесс — когнитивный процесс формирования символов как способов бытия и функционирования смысла.

По существу, это уникальная способность человека на уровне сознания и бессознательного репрезентировать ценностно-смысловые значения в чувственно воспринимаемой форме. В структурно-функциональном измерении этот феномен представляет собой процесс образования смысла, его фиксации, сохранения, конденсации, трансляции, трансформации и преемственности смыслов в познании, коммуникации, культуре. Он включает в себя изоморфные этапы символизирующего (смыслообразования, объективации и оформления смысла), символизации (наделения смыслом вещей и явлений окружающего мира), интерпретации (толкования символического смысла, осмысления и переосмысления символической формы).

Специфика религиозного символизирующего процесса заключается в наделении религиозным (сакральным) ценностным смыслом явлений природы и

жизнедеятельности человека, дающее возможность многовариантной интерпретации религиозных символов [7; 308]. Речь идет о религиозном способе упорядочения (конструирования) мира как познании, смыслообразовании и жизнедеятельности, протекающих в социальном взаимодействии.

Под *символом* мы понимаем: 1) способ бытия и функционирования смысла; 2) продукт символизирующего процесса; 3) диалектическое взаимодействие образа и знака, отражения, выражения и обозначения; 4) изоморфное единство чувственно-воспринимаемой конкретной формы и ценностно-смыслового абстрактного содержания. Ю.М. Лотман метко называл символ конденсатором смысла [8; 249].

Религиозный символ — это продукт сакрализации природного мира, способ бытия религиозных смыслов и ценностей в чувственно воспринимаемых формах. Гносеологическая специфика и мифологические истоки родословной сделали его «предметом и средством многочисленных мистификаций» [9; 69]. В религиозной рефлексии — это посредник между земным и неземным мирами, явление сакрального, божественного через видимые предметы, что дает уникальную возможность общения с гипостазированным объектом поклонения.

Симвология — 1) учение о символе и символизирующем процессе; 3) метод исследования явлений как способов бытия смысла с позиций символизирующего процесса; 4) дискурс когнитологии, междисциплинарная область исследования, где символ выступает предметом и инструментом познания. Поскольку понятие «символ» шире, чем «знак», постольку, как нам представляется, символогический подход включает в себя семиотический, а не наоборот.

Следует различать понятия «символический» и «символогический». Под символическим смыслом подразумевается переносный, дополнительный, небуквальный смысл. *Символогический* — 1) структурно и функционально относящийся к символии — учению о символе, характеризующий явление с позиций символии; 2) структурно и функционально относящийся к символу (символьный), производный от символа, связанный с символом, имеющий его свойства; 3) содержащий признаки символа, характеризующий явление как способ бытия смысла и продукт символизации.

Итак, символогическая онтосемантика изучает генезис, строение и функционирование индивидуальной и социокультурной системы экзистенциальных смыслов, детерминирующей процессы восприятия, мышления и памяти, а также символогические формы существования и репрезентации жизненных смыслов в индивидуальном и социальном сознании, в культурном пространстве. Инструментом такого изучения является символ, соединяющий объективное и субъективное, абстрактное и конкретное, идеальное и чувственно воспринимаемое бытие.

Если говорить о религиозном измерении, то здесь символогическая онтосемантика изучает когнитивные закономерности религиозного смыслообразования, онтологизации и репрезентации смысла. В XX в. семантический подход укрепил свои позиции в религиоведении благодаря фундаментальным работам таких, например исследователей, как Э. Бенвенист, В. Бэтке, Ж. Дюмезиль, Т. Я. Елизаренкова, Н. И. Толстой, В. Н. Топоров и др. [4; 28]. Серьезное внимание семантике и прагматике языка религии уделяется в аналитической философии религии. Она зародилась в начале прошлого столетия в Англии и сосредоточилась на проблематике значения, или смысловой проблематике языка (наиболее известны Ф. Брэдли, Б. Бозанкет и Дж. Мак-Таггарт) [10; 89-90].

3. Главные особенности религиозного смысла. Попробуем задуматься над вопросом: почему на языке философии смысл доступен далеко не каждому,

а на языке религии — любому? В чем здесь причина — в самом смысле или в языке? Ответ может быть таким: все дело в специфике символизирующего процесса, который в религии и философии имеет разные когнитивные закономерности. На наш взгляд, специфику религиозного смысла детерминируют три обстоятельства, которые можно определить следующим образом.

Во-первых, религиозный смысл — практический смысл, это «внутреннее» ощущение жизни, которое невозможно без потерь выразить в строго рациональном виде» [11; 282]. Если философия спрашивает, в чем смысл всего сущего и живет поиском смысла, то религия не ищет смысл, а подчиняется заданному в вероучении абсолютному и непререкаемому каноническому смыслу. Религия спрашивает «Как жить?» и предлагает свой проект жизни в триедином мире, диалектически (триалектически) соединяющем 1) мир физический, 2) мир субъективного и объективного смысла, т.е. духовно-психический (объективный-социокультурный и субъективный-личностный), 3) мир сакрализованных в форме «неземного» первого и второго миров, т.е. мир религиозных гипостазированных смыслов. Для религиозного сознания — это мир сверх-первый, объективный, конституирующий и первый, и второй мир.

Во-вторых, религиозный смысл — это сакрализованный смысл [12; 332]. Очевидно, именно субстанциональное свойство сакрализации базовых ценностей принципиально отличает религию от всех остальных форм миропонимания.

В-третьих, религиозный смысл тяготеет к абсолютному. По мнению Д. В. Пивоварова, абсолют мыслится как творческое первоначало всего сущего и противоположен всякому обусловленному существованию [13; 39]. Мы понимаем абсолютный смысл как жизнеутверждающий смысл. Жизнь — это единственное, что не подвластно человеку по большому счету. Бессилие перед силами природы, общества, перед всем, что противостоит человеку — это, в конечном итоге, бессилие перед жизнью, перед ее закономерностью и случайностью. Это то бессилие, которое столь пронзительно репрезентировано в философском экзистенциализме, это же бессилие демонстрирует печальный цинизм постмодернизма (Ж. Бодрийар). Бессилие перед жизнью рождает философию, религию и искусство — равновеликие и разноязычные попытки преодолеть смерть (учиться умирать или стать бессмертным).

Языки религии, искусства и философии различны по форме и содержанию, но источником смыслообразования является один и тот же абсолютный человеческий смысл — жизнеутверждение вопреки смерти. В языке религии продуктом символизирующего процесса выступает Бог — символ абсолютного смысла, в языке искусства — вдохновенный дух человека, философии — сила и мудрость человеческого разума. На языке светского гуманизма человек — символ абсолютного смысла. На языке теологии всякое утверждение абсолютной ценности по ту сторону ценностей относительных требует потусторонности и в метафизическом смысле [14; 421].

Онтологизация смысла в религиозном сознании имеет свою специфику — способ бытия смысла отождествляется с самим смыслом. Отсюда произрастает феномен гипостазирования. Понимание смысла как «внеобразной сосредоточенности мысли» [9; 63] неприменимо к религиозному сознанию, где образ и смысл сливаются, а бытие смысла-образа (символ) отождествляется со смыслом (смысл онтологизируется в символе). Поэтому символ сливается со своим сакральным смыслом и становится сакральным объектом, который он репрезентирует. А через сакрализацию символа сакрализуется и его чувственно-воспринимаемая форма как часть физического мира. Так происходит сакрализация мира в религиозном сознании. Подобно тому, как речь — экзистенциально-

онтологический фундамент языка [15; 160-161], символ в онтосемантическом измерении является экзистенциально-онтологическим фундаментом религии, ее субстанциональной основой — уникальным способом бытия религиозного смысла.

Склонность языкового сознания к восприятию существительных в качестве имен отдельных сущностей (субстантивация имен существительных) оборачивается появлением представлений об обособленных сущностях, которые в строгом смысле таковыми не являются. Пример такой сущности в христианском сознании — Премудрость. Гипостазируя и персонифицируя такого рода понятия, религиозное сознание пополняется образами, которые представляют в качестве «лиц» субстантивированные свойства (Премудрость Божия) [4; 38].

Смысловые категории религиозного сознания (например, сакральное-профанное) фиксируют многократно транслируемый опыт конституирования специфически религиозного смысла. Религиозные семантические структуры пересекаются вследствие наличия общих смысловых признаков, образуя общее семантическое поле религиозного сознания, его семасферу. Следовательно, символ в религиозном сознании способен превращать семантику религиозных объектов в их онтологию, поэтому язык религии как символизирующий процесс можно полагать субстанциональной основой религии, ее сущностной характеристикой, а семасфера религии неизбежно предстает как символосфера.

Следующий шаг в выбранном нами направлении — исследование когнитивных механизмов структурирования семантического пространства религии и ее смыслообразующих возможностей. Однако это тема отдельного разговора.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лосев А. Ф. Самое само: Сочинения. М.: ЭКСМО-Пресс, 1999. 1024 с.
2. См. Sperber D., Wilson D. *Relevance: Communication and Cognition*. Basil Blackwell Ltd., 1986. 279 p.
3. Кувакин В. А. Личная метафизика надежды и удивления. М., 1993. 224 с.
4. Забияко А. П. Категория святости. Сравнительное исследование лингворелигиозных традиций. М.: ИД Московский учебник-2000, 1998. 205 с.
5. Рикер П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М.: Academia-Центр, 1995. 416 с.
6. Фреге Г. Избранные работы: Пер. с нем. В. В. Анашвили, В. А. Куренного, А. Л. Никифорова, В. А. Плунгяна. М.: Дом интеллектуальной книги, 1997. 160 с.
7. Кассирер Э. Сущность и действие символического понятия // Кассирер Э. Избранное: Индивид и космос. М., СПб.: Университетская книга, 2000. 654 с.
8. Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб, 2001. 704 с.
9. Щербинин М. Н. Искусство и философия в генезисе смыслообразования (Опыт эстетической антропологии): Монография. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2005. 312 с.
10. Кимелев Ю. А. Философия религии: Систематический очерк. М.: ИД Nota Bene, 1998. 424 с.
11. Митрохин Л. Н. Религия и культура (философские очерки) / РАН. Ин-т философии. М., 2000. 318 с.
12. Gold D. The Paradox in Writing on Religion // *Harvard Theological Review* 83: 3. July 1990. P. 321-332.
13. Пивоваров Д. В. Философия религии: Учебное пособие. М: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2006. 640 с.
14. Трёльч Э. О возможностях христианства в будущем / Лики культуры: Альманах. Т. 1. М.: Юрист, 1995. С. 408-428.
15. Хайдеггер М. Бытие и время / Пер. с нем. В.В. Бибихина. Изд. 2-е, испр. СПб: Наука, 2002. 452 с.